

Александр Сергеевич Бакулевский – график и живописец, художник книги, педагог, народный художник России, заслуженный художник РСФСР, заслуженный деятель искусств Марийской АССР, член Марийского регионального отделения Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России».

Лауреат и дипломант многих конкурсов и премий. В том числе обладатель диплома I степени Всероссийского конкурса искусства книги (1980) за высокое мастерство исполнения серии иллюстраций к повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка». Награждён золотой Пушкинской медалью (1999) за вклад в развитие, сохранение и приумножение традиций отечественной культуры. В 2011 году Союзом художников России награждён золотой медалью «Духовность.

Традиции. Мастерство». Его работы экспонировались на многих выставках в России и за рубежом (Италии, Австрии, Германии, Франции, Чехии и др.). Гравюры художника находятся в Третьяковской галерее, в музее А.С. Пушкина в Москве, художественных музеях Нижнего Новгорода, Саратова, Киева и других городов. 50 гравюр хранятся в музее мировой графики Альбертина (Вена).

Александр Сергеевич считается одним из авторитетнейших мастеров ксилографии, отдавший этому делу более 40 лет жизни. Художника называют «Золотым штихелем» России. Он проиллюстрировал более 70 книг, работал для издательств «Детская литература», «Советская Россия», «Радуга», Марийского, Удмуртского, Дальневосточного издательств и др. Автор графической «Пушкинианы», включающей иллюстрации ко всем повестям великого поэта.

— Уважаемый Александр Сергеевич, благодарю вас, мне очень приятно, что вы согласились на это интервью.

Вы как-то рассказывали о первом детском впечатлении, с которого начали развиваться как

А.С. Бакулевский

художник. Это был листочек с нарисованным яблоком — рисунок отца, присланный с фронта в солдатском треугольнике. Вы почувствовали тогда и вкус, и аромат этого яблока, и вас это поразило. А что было дальше? Сохранилось ли это состояние? Цвет, звук, запах и вкус, прикосновение — весь этот многофактурный, растрёпанный мир — как он воплощается в чёрно-белом штрихе? Что наполняет ваше сознание, когда вы работаете над графическим листом?

А.С.: Да, вкус и запах фруктов на рисунках отца я запомнил на всю жизнь. Он не был художником, но его любительские рисунки для ребёнка, да ещё в голодные годы, были волшебством. Много лет спустя я испытал нечто подобное. Рисовал ветку сосны по памяти. Работа затянулась, и вдруг в какой-то момент

мне почудился такой яркий запах хвои, что я бросился искать, откуда он. И ничего не нашёл. Что это было?

Я начал что-то понимать, познакомившись с трудом А. Гильдебрандта «Проблема формы в изобразительном искусстве». Упрощённая суть её: реальная форма предмета не зависит от обстоятельств. А восприятие этой формы зависит от многого: от освещения, от ракурса, от особенностей нашего зрения, от находящихся рядом предметов. То есть в состав характеристики предмета входит его окружение. Значит, мы можем выявить в предмете нужное нам качество, подбирая ему определённое соседство. Можно ли таким образом сообщить зрителю запах и вкус? Теоретически, в недостижимом идеале — да. А передать собственно пластические качества предмета: величину, тяжесть и лёгкость, статичность и динамику, пространство и время — несомненно, можно. Все художники это делают, одни осмысленно, другие интуитивно. Так «Проблема формы» стала «языком» композиции.

— Где или в чём (в какой эпохе, художественном стиле) ваши корни? На какие высокие образцы вы опираетесь в своей работе? Или просто — кто ваши любимые художники прошлого и настоящего? Почему именно они? И менялось ли это с течением времени?

А.С.: У всех учащихся художественных училищ любимые художники — величайшие из великих. Кроме них в Казанском училище у нас был кумир — Н. И. Фешин. Благодаря ему до революции Казанское училище давало профессиональную подготовку на уровне Академии. В наше время живы ещё были его коллеги и друзья. На старших курсах преподавал Василий Кириллович Тимофеев. Он рассказывал: «Студенты пишут стоящего натурщика со спины. Подходит Фешин, внимательно смотрит: «Что же вы заканчиваете работу, когда она ещё не начата?» Берёт любую активную краску — кость, краплак — и большой кистью проводит две линии: позвоночника и опорной ноги. Автор в шоке: работа испорчена, это последний сеанс. Зато всем стало понятно, как ставить фигуру».

В институте у будущих художников книги появились новые кумиры, соавторы великих книг. Многие из них были блестящими рисовальщиками. А. Бенуа «Медный всадник», В. Лебедев — глава советской школы детской книги, В. Фаворский «Теория композиции» (о книге), Кукрыниксы «Левша» — абсолютное, на мой взгляд, попадание в образ Левши, В. Горяев «Мёртвые души», Д. Шмаринов «Капитанская дочка», Д. Дубинский. И уже из нашего поколения: М. Майофис и Б. Власов, учившиеся в моё время. Боже! Какая культура, какое мастерство! Сколько

выходило специальной литературы: альманахи «Искусство книги», «Лучшие издания», монографии, и т.д., и т.д. А что сейчас? Об этом вы прекрасно написали в своей статье. Человек я косный, вкусы мои не меняются. Считаю и считаю, что «Чёрный квадрат — великое произведение искусства... авантюры». Стыдно старику признаваться в этом, но... За бугром на концерте чешской пианистки я сделал с неё набросок. Искусствовед Червонная показала его пианистке. Та спустилась в зал, подняла рисунок над головой: «Почему современные модные художники рисуют уродов, и только русские рисуют людей?»

Ответ на ваш вопрос будет неполным, если я не приложу к нему портрет своего друга. Николай Иванович Калига. Класик. Не было, нет, и теперь уже никогда не будет в мире равного ему мастера ксилографического портрета. «Читал гравюру» (его выражение) как никто. Знал всех гравёров в Союзе. Если где-нибудь во Владивостоке или в Воркуте кто-то брал в руки штихель, будьте уверены — он уже есть в реестре Калиги. Блестящий рисовальщик, что не часто встречаешь среди ксилографов, чему есть объективные причины. Живой человек с искрящимся чувством юмора. Щедрый до расточительности. При обмене оттисками я

А.Бакулевский. Встреча Лизы и Алексея. Иллюстрация к повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка», 1967, ксилография

всегда оставался у него в долгу. Безотказно позировал моему сыну, и потом подарил ему свои шедевры. В Вене была наша с ним выставка. Поехать на неё он не смог, но его гравюры так потрясли директора Альбертины, музея мировой графики, что он приобрёл всю выставку целиком. Таким образом, и я погрелся в лучах его славы.

— Любите ли вы музыку? Если да, то какую? А поэзию? Что вас вдохновляет больше — искусство или сама жизнь?

А.С.: В музыке я профан. Мой дед, священник, в детстве учился в церковно-приходской

А. Бакулевский. Владислав Ходасевич.
Серия «Русские поэты», 1988, ксило-
графия

школе (по другим данным и в гимназии) с Шалапиным. Может быть, поэтому я рано начал собирать его пластинки и полюбил басов: Михайлов, Огневцев, Рейзен, Христов. И ещё сонаты Бетховена. Люблю глубокую музыку (Свиридов), люблю пение как бы для себя (Ободзинский), люблю прекрасные голоса (Синявская). Но опера последние годы меня не волнует. К рэпу абсолютно равнодушен. В современной эстраде короят тексты. Не нравится, когда певец «презентует» не песню, а себя. Вот мой дилетантский автопортрет.

По заказам издательств мне приходилось иллюстрировать поэзию. В процессе работы стихи

запоминаются — это понятно. А вот как в моей пустой голове завелось огромное количество детских стихотворений, в отрывках и целиком? Почему иногда выплывает случайная строка, за ней другая, и вдруг я обнаруживаю, что знаю наизусть целую поэму, какого-нибудь «Сына артиллериста»? Или иду вчера по узкой тропинке в сугробе, навстречу человек. «Пусть мои отсохнут ноги, не уйду с твоей дороги... Сверху солнышко печёт, под мостом река течёт. В этой речке утром рано утонули два барана». Это я про себя, конечно, а сам отступаю в сугроб. А говорят, что искусство никого ещё не воспитало. Иллюстрировал поэзию, думал, как это надо делать, но так и не понял. Ведь «мысль изречённая есть ложь». К стыду моему, некоторые из общеизвестных авторов меня оставляют равнодушным. И. Бродский, например. Исключение — «Пилигримы» и отдельные строки: «К равнодушной отчизне прижимаясь щекой». Такая строка дорого стоит. Зато музыку я чувствую остро, может быть, слишком остро. Ненормально ведь, когда от каких-то звуков спазмы в горле. Но ничего с собой поделывать не могу. Вообще, я заметил, что произведение искусства, выдумка, в сущности, на меня действует сильнее, чем сама жизнь. Видимо, реальное событие в нашем сознании связано со множеством разнонаправленных обстоятельств, а творец произвёл отбор.

— Вы говорили, что поставили себе задачу делать такие работы, которые высоко оценил бы профессионал (с точки зрения того, как это сделано), и при этом понял бы любой зритель. Это как прикоснуться к сердцу каждого человека и раскрыть в нём новую глубину, новое знание? Можно ли что-то сказать об этой глубине, или это уже выход в невыразимое?

А.С.: Да, конечно, высокая оценка коллег важна для художника. Она обязывает «держать планку», но... После сеанса набросков с обнажённой натуры в Доме творчества «Челюскинская» Миша Верхованцев об одном моём рисунке сказал: вот она, магия рисунка. Миша — прекрасный художник, потрясающий гравёр, один из «Золотых штихелей» России. Видимо, он что-то своё увидел в наброске. Его мнение для меня бесценно, спасибо ему. Но набросок этот я уничтожил, как десятки и сотни других. Потому что в них не удалось передать главное для меня: внутреннее движение, а оно и есть жизнь. Мнение коллеги, даже самого авторитетного, всегда субъективно. Он в восторге от тех произведений, в которых видит решение проблем, над которыми он сам бьётся. А художник книги — ксилограф обязан быть понятным любому. Это непросто: ведь в природе нет чёрно-белых линий, как в гравюре. В XIX веке эта проблема решалась с

помощью богатейшего арсенала технических приёмов. В репродукционной гравюре до иллюзии передавались и мех, и ткани шёлковые и льняные, и металл. Но появилась совершенная полиграфия, исчезла необходимость в репродукционной гравюре. Чтобы она стала творческой, пришлось отказаться от иллюзорности и перейти на собственно гравюрную технику. Теперь нужно определённое усилие, чтобы увидеть реальность за чёрно-белыми линиями, за формальными приёмами. Желая быть понятным, я стремился не в глубину и новое знание, а к простоте. А простота — это высший пилотаж в искусстве. Это редко получается.

— Есть ли в вашем творчестве ощущение пути? К чему вы идёте внутри себя, куда направлен ваш поиск?

А.С.: Нет, кажется, ни одного вида графики, в котором я бы не поработал. А ведь мудрые люди после удачной дипломной работы советовали заниматься только Пушкиным: он тебя сделает человеком. Профессор М.А. Таранов, руководитель диплома, сразу сказал: это твоё. Главный редактор журнала «Юный художник» Л.А. Шитов советовал работать «узким лучом». Кем бы я был, послушайся мудрых советов? Беда, когда всю жизнь ищешь себя... Был ли неизменный интерес? Да, был. Натурный набросок? Да, был. Впрочем, слово «набросок»

мне не нравится. «Вот я тут на досуге набросал...» — есть в этом некоторая небрежность. А быстрый рисунок — это труд, требующий большого напряжения. Это не моделирование поверхности формы, а передача лаконичными средствами сути. По-моему, вполне достойное направление поиска.

— Меняла ли вас, как личность, какая-либо из ваших больших работ либо внутренний диалог с автором, чьи произведения вы иллюстрировали?

А.С.: Безусловно. Работая над иллюстрациями, художник на протяжении длительного времени находится в диалоге с автором. Это не может не влиять на его формирование. Когда я первый раз в Йошкар-Оле выставил рисунки к «Живи и помни» В. Распутина, ко мне подошла женщина: «Вы знаете, я смотрю на ваши иллюстрации, и у меня слёзы. Но вы не поняли романа. Вы нарисовали Андрея носителем многих, в том числе положительных качеств. А ведь он — преступник. Он дезертир, он погубил и себя, и будущего ребёнка, и родителей». Может быть, она права. Но всё же я понял главное в романе: живи и помни (!!!) Всегда помни о своём долге. Теперь мне дико слушать: «Я никому ничего не должен». Конечно! Ты же родился на необитаемом острове из пены морской, ты сам построил своё жилище, сам сшил

одежду, сам добываешь пропитание — всё всегда ты делал сам. И так можно пройтись по всем книгам, над которыми работал.

— В любом творческом процессе есть периоды взлётов и кризисов. В литературном творчестве известен так называемый «минус-приём»: когда достигаешь определённого уровня мастерства, — чтобы идти дальше, нужно оставить всё, все прежние ходы, и начать с нуля. А как это бывает у художников? Были ли у вас серьёзные кризисы, и, если были, — как вы с этим справлялись?

А.С.: «Минус-приём» мне понятен. Японские художники, начиная с нуля, прежде всего меняют фамилию. Это уже отказ от себя, от всего, что наработано с годами. Это облегчает поиск нового стиля, манеры. А я, добываясь понятности своих гравюр, пытался гравировать так, чтобы технический приём был в минусе или совсем отсутствовал (если это возможно). Кризисов у меня не было, может быть, потому, что времени не было на них. Иногда подумывал: вот бы сотворить что-нибудь такое, чтобы посидеть в одиночке месяц-другой, вот бы отдохнул. А сейчас думаю, что именно те годы были самыми счастливыми. Так было вплоть до начала 90-х годов. Когда грянул кризис для всех, отводил душу в написании

статей. Но мне везло: временами коллекционеры вспоминали. А потом сибиряки, Фонд «Возрождение Тобольска», предложили поработать с ними. Это была увлекательная работа, неисчерпаемая тема. Я многое узнал о Сибири, её истории и её народах. Особенно мне импонировало полное доверие заказчика. Я ни разу не слышал от А.Г. Елфимова критики моих работ, хотя иногда и нужно было. Любая критика, если она адекватно воспринята, полезна. Фонд продолжает присылать мне материалы о Сибири, они интересны и, может быть, когда-нибудь пригодятся... Как я справляюсь с кризисами? Никак не справляюсь, я слабый человек. Только работа держит в этом мире. Понимаю, что это глупо: ведь самое ценное в этой жизни — это сама жизнь. Всё понимаю, но...

— Вы работали над иллюстрациями к книге «Югорно» А.Я. Спиридонова. Это большая эпическая поэма, основанная на мифах и сказаниях марийцев, по своей сути — марийский национальный эпос. А что для вас миф? В экстремальных ситуациях (например, на войне) через человека начинают работать силы, много большие, чем обычно доступны ему. Возможно, именно миф готовит сознание к их приходу? А в творчестве возможно испытывать такие высокие состояния? Что проникает в мир через сердце художника?

А. Бакулевский. Ахматова в садах Лицея. Серия «Русские поэты», 1988, ксилография

А.С.: СССР. Готовится выставка, посвящённая Великой Победе. Выставком ездит по стране, рассматривает заявки на заключение договоров на соответствующую тему. В Волгограде художник показывает картину. На холсте люди-скалы. Без страха и сомнений смотрят они вдаль, а на бруствере разложены связки гранат. Называется картина «Танки не пройдут». Вполне грамотный художник, рисунок, цвет — всё хорошо, но члены выставкома молчат. И тут Иван Бруни обращается к автору: «Слушай, Вася, ты же воевал, ты был на передовой. Ну вспомни, ведь не так, не так всё было. Когда я после школьной скамьи попал на фронт, и на нас

попёрли танки... я такое испытал, что сейчас стучит в висках. Смотрю по сторонам, а вокруг такие же мальчишки, как и я. И тогда я понял: это конец... Но ведь эти мальчишки оставили танки! Как, какими силами? — я не знаю». А. Толстой: «Кажется, прост человек, а придёт беда, и просыпается в нём сила необыкновенная — человеческая красота».

Подвиги, великие дела — потому и великие, что совершаются обычными людьми, слабыми, ранимыми, измученными житейскими и прочими проблемами. Это в жизни. А в мифах подвиги совершают сверхчеловеки. Защитники народа — великаны, обладающие нечеловеческой силой. Тут танки точно не пройдут. Мы ими спокойно восхищаемся. А в творчестве возможно

пробуждение «силы необыкновенной»? Я думаю, иногда это случается. Однажды я был так увлечён очередной работой, что, просыпаясь, хватался за неё и только часа в 3—4 вспоминал, что не завтракал. Потом снова за работу, и только в 2 часа ночи вспоминал, что не обедал. Долго это продолжаться не могло. Но именно тогда я был счастлив.

— Расскажите, пожалуйста, о ваших последних работах и новой выставке «Чёрная акварель войны». Проживать в творчестве такие трудные темы — блокада, война — что остаётся в сердце после этого?

А.С.: Лет 20 назад я сделал для чеченца Исы Амалиева герб его рода, его портрет с натуры и иллюстрации к чеченским илли. Иса, бывший лётчик-истребитель, остался верным воинской присяге: «Присяга даётся один раз в жизни». В прошлом году он попросил меня продолжить эту серию рисунками о чеченской войне. Но в процессе работы тема эта переросла в серию о войнах вообще. Все войны — бедствие, во всех страдают и гибнут люди. Хотелось показать это страшное лицо войны. В эскизах были разные сюжеты, в т.ч. и жуткие

А. Бакулевский. Сергей Есенин в Константиново. Серия «Русские поэты», 1990, ксилография

(казнь, например). Но, если бы я их реализовал, я бы сбрендил и зрителей свёл бы с ума. Наверное, главное здесь не кошмары войны, а человек в условиях войны: военные, мирное население, матери, дети, старики... Акварель — прозрачная краска, идеальная для лёгких сюжетов, часто не слишком глубоких. Чёрная акварель — это только нейтральная информация о материале, использованном художником в конкретной работе. А «Чёрная акварель войны» приобретает драматический смысл. Такое название серии дала местная журналистка. Выставка экспонировалась в Грозном и в Йошкар-Оле. Если будет проявлен интерес к ней, возможно её продолжение, тема ведь необъемлемая.

— Вы много лет сотрудничаете с Фондом «Возрождение Тобольска», это ваша Сибириада. Когда-то, будучи в Тобольске, ещё до знакомства с Фондом, я подумала, что Сибирь — это сила прощения. Это такое пространство внутри (страны и в сознании каждого причастного человека), куда всегда можно отступить, чтобы выстоять в трудные времена, в войну. Выстоять, победить и простить. А что для вас Сибирь? Как вы это ощущаете?

А.С.: Наталья Васильевна, в вашем вопросе уже есть ответ. Лучше не скажешь. Но добавлю от себя. Службу в Армии

я проходил в Забайкалье, на станции Домна. Работал стрелком-радистом на Ил-28, а потом радистом на Ли-2. Много приходилось летать над Сибирью, но так и не смог я привыкнуть к ощущению бесконечности этой земли. А однажды, лёжа на льду Байкала, испытал необычное ощущение. Лёд был настолько толстым, что уходил в тёмную глубину. И таким прозрачным, что светился. И я понял Фета: «сияла ночь...» Глубина реально сияла. Висел я над этим сиянием и со страхом ждал: вот сейчас кончится эта волшебная невесомость, я рухну в неё... и конец. Теперь я знаю, что Сибирь бесконечна и вширь, и вглубь. И ещё это — бесконечная загадка, и сколько бы превосходных эпитетов мы ни приложили к ней, ничего мы не поймём. И даже не оценим в полной мере. Недаром Петр I буквально озверел, заподозрив Матвея Гагарина, губернатора Сибири, в сепаратизме. Мудрый царь за Сибирь любого бы пор-р-рвал (как сейчас модно говорить).

Теперь о себе, дорогом. На рубеже 80-х и 90-х я был загружен заказами издательств. Но всё рухнуло, моя работа стала никому не нужна. Случайные заказы на портрет, пейзаж — это не моё. Было очень тяжело: я не умею просто жить. И спасла меня... Кто же? Что за волшебница? Ну конечно же Сибирь! Мизерная частичка её, Фонд

«Возрождение Тобольска». Как там у Пушкина: «... царственную руку простёр и вызволил меня». Я этой руке безмерно благодарен. Есть у меня и другой благодетель — Союз художников России. Он поддерживает меня «за красивые глаза». Я это ценю, но я жадный, мне нужно, чтобы кто-то без моей работы просто жить не мог.

— Литература — это память, зеркало и проект будущего. А в изобразительном искусстве эта формула верна? На каком времени (настоящем, прошедшем, будущем) в наибольшей степени сосредоточено внимание художников сегодня?

А.С.: Вопрос для меня неожиданный. В литературе всё понятно. Мы все вышли из гоголевской шинели, поэт в России больше, чем поэт, научная и прочая фантастика. А верна ли Ваша формула в изобразительном искусстве? Есть же в них общее. Литература может быть изобразительной, а в живописи есть определённая доля литературы. Литература и изобразительное искусство стали соавторами в создании особого явления: искусства книги. Но между ними есть принципиальная разница. Литература — от мозга, а изображение — от глаза. Всю институтскую школу художник должен видеть в объекте изображения. Эти раздражения и являются побудительным толчком. И даже когда он

работает над исторической темой, всё равно он движим импульсами от современного ему реального объекта. (Впрочем, и писатель, видимо, мыслит на основе пережитой им реальности)... Похоже, что ответ будет такой: вчера, сегодня и всегда художник в большей степени сосредоточен на настоящем времени?

— Сейчас в мире искусства, в том числе изобразительного, существует такое явление, как «политика премиальных авторов». «Гении» назначаются и рекламируются, они у всех на слуху. Есть другие талантливые и очень талантливые художники, писатели, артисты, но вся система выстроена так, что о них никто не знает и, возможно, никогда не узнает. Диалога с обществом нет. Возможно ли развитие и достижение высокого художественного результата без такого диалога?

А.С.: Дорогая Наталья Васильевна! В своих вопросах вы глубоко копаете. А для ответа, видимо, придётся эту яму ещё углублять с риском мне, старику, не выбраться из неё. Рискнём? В современном изобразительном искусстве происходят многие процессы, чуждые нашему поколению и, кстати, чуждые школе изо. Мы, старичьё, никак не можем некоторые из них принять. Мы росли в убеждении, что художник несёт ответственность за последствия от своего

«творчества». Вот вчера у нас в Йошкар-Оле с большой помпой открылась выставка художника 1966 года рождения. Советское время он чуть-чуть застал, знает о нём больше из телевизора. Вот его типичное произведение. Взят определённый советский плакат, это может быть призыв честно трудиться. Изображение советского человека заменено фигурой Мерилин Монро в эффектной позе или другой дивой с обложки гламурного журнала. Таким образом, в произведении соединено несоединимое: идея та, а образы эти. Откровенная насмешка над собственной историей.

Мне грустно, но внутренний голос мне говорит: «А чего тебе грустно-то, что ты из мухи слона делаешь? Это частный случай». Но частный случай — это когда одно произведение, а если таких сто — это уже направление в искусстве, надо его приветствовать и восхищаться, иначе ты... Да, я ретроград и мракобес, я считаю это идеологической диверсией. «Система выстроена», как справедливо вы заметили. Мы — деидеологизированное государство. А раз нет идеологии, то нет и определённой позиции государства в области культуры. Ах, нет? Тогда мы идём к вам!.. И идут: и в политике, и в культуре — везде идут. Мы этого хотим? А теперь о «высоком художественном результате». Как-то Илья Глазунов на съезде или на Пленуме Союза художников

возмущался: как смеют выставкомы и худсоветы судить о произведении?! Художник свободен, «...ты сам свой высший суд...» Вот сейчас нет у нас худсоветов, бал правит вкус заказчика. Лучше стали наши произведения? Отнюдь. А вот Союз художников России, организуя свои выставки, отбирает лучшее, а что-то отсеивает. И художественный уровень этих выставок на порядок выше. А, вообще, где и когда художник был абсолютно свободен? Любое действие реализуется при сопротивлении ему. Художник тогда «искрит». Нужны, нужны ему и внешние, и внутренние ограничители.

— На что опереться начинающему художнику, артисту, творцу — внутри себя или вовне, чтобы выстоять, не сломаться? Ради чего работать?

А.С.: На что опереться? «Нет, весь я не умру, душа в заветной лире мой прах переживёт...» «Я скоро весь умру, но, тень мою любя, храните рукопись, о, други, для себя...» «Без неприметного следа мне было бы грустно мир оставить...» «благодарная рука потреплет лавры старика». Короче: жизнь коротка, искусство вечно. Вечно всё, что человек искусно делает. Всё остаётся людям. Очень хорошо, но молодые страсти куда девать? «...я, любя, был глуп и нем». На веру опереться? Не важно, во что верить: в Бога,

в науку, в будущее страны, в своё будущее, в добро и т.д.? Но всё может измениться и всё может изменить. Одно никогда не изменит: если художник любит свою работу, если сам творческий процесс доставляет ему удовольствие (заказная ли работа, для выставки, бесплатная, и даже невостребованная), тогда работа превращается в смысл жизни. Это ли не опора?

— Какой вопрос я вам не задала? О чём бы вы хотели, чтобы вас спросили?

А.С.: Могли бы быть: «Государство и художник» и «Красота спасёт мир?»»

А. Бакулевский. Голова Берлиоза. Иллюстрация к роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита», 2007, литографическая тушь, принтер

— Государство, не учи меня жить, помоги материально и отойди в сторону. Я сам свой высший суд! — А всегда ли свой суд достаточно высок? А если в спектакле со сцены льётся поток непотребщины... — Нет, нет, и в этом случае государство должно скромно стоять в стороне.

После института первый заказ у меня был — роспись в строящемся ресторане. Женщина кормит грудью ребёнка. Приходит чиновник, смотрит, возмущается:

— Замажь эту женщину и нарисуй что-нибудь другое.

— Я не могу, я рисую точно по утверждённому эскизу, вот подписи.

— Мы дадим указание, и они отзовут свои подписи. Мы не позволим в нашем районе такой похабщины. Я прикажу малярам, они закрасят.

— (Эге, однако, дело скверно).

Фотографирую роспись, делаю слайд, иду в обком партии. Один звонок, и никто ничего не закрасил. Подобных случаев за долгую жизнь было много. Неоднократно я находил защиту в партийных органах и в Госкомиздате. Да, партия всё контролировала: участвовала в выставках, просматривала экспозиции будущих выставок. Мне, как председателю выставкома, приходилось каждый раз знакомить представителя обкома с экспозицией, объяснять. Были, конечно, «доброжелательные советы», но ни разу ни одна картина не была снята со стен. Вот

такой у меня опыт. А куда обратиться за поддержкой сейчас? Я считаю, что государство всеми средствами должно поддерживать такое искусство, которое утверждает нашу идеологию. Надо наконец определиться с ней, чётко сформулировать её и объявить. Только тогда у государства будет определённая позиция в культуре. Ведь, по большому счёту, даже и «свой высший суд» невозможен без идеологии. Вот известный нам Фонд «Возрождение Тобольска» имеет свою позицию в культуре и в каждой своей публикации — в изданиях, в выступлениях — без ложной скромности во всеуслышание заявляет о ней. А государство стыдливо прикрывается «свободой творчества», кокетничая с Западом. Это только общественный фонд, но долг государства всё сделать для процветания таких фондов, для их функционирования.

Красота спасёт мир? Какая красота? Внешняя, сосуд, в котором пустота? Набор стандартной формы мышц и жировых

прослоек? Да, это страшная сила, она бросается в глаза. Она эгоистична, вся сосредоточена на себе. Она тщеславна и агрессивна: вот сменю какие-то части своей красивой фигуры, стану ещё красивее, завоюю Москву, олигарха, утру нос Таньке и Катьке. Эта красота может многое, но не всё. Она легко может развязать войну. Но остановить войну она не в силах. Какое уж тут спасение мира... Или внутренняя красота — огонь, мерцающий в сосуде? Эта красота альтруистична, бескорыстна, самопожертвенна. Вот кто мог бы спасти мир, но её не видно. Ах, если бы вдруг все СМИ, все государственные и общественные структуры хлопнули себя по лбу: что мы делаем, куда мы идём, Господи! Души надо ваять, души! Огонь раздувать, мерцающий в каждом сосуде от рождения. От рож-де-ни-я! Вот и спасение: здоровая традиционная семья, в которой все друзья друг другу. Значит, не красота, а доброта?

— Александр Сергеевич,
большое спасибо за интервью!